

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI ВЕКЕ

MAJOR TRENDS AND THE DEVELOPMENT OF CULTURE OF THE MOSCOW STATE IN THE XVI CENTURY

I. Lavrova

Summary: In the article, against the background of the evolution of the centralized Moscow state, the process of development of all-Russian culture in the XVI century is considered. The article reveals the needs and challenges facing the country in the field of cultural development. Taking into account the historical conditions, domestic and foreign policy factors of influence, the key directions of cultural development, the essence and features of cultural transformation are revealed. Thus, the historical experience of the state approach to the development of culture as the most important component of the life of a single state is updated.

Keywords: XIV century, centralized Moscow state, autocracy, ideology, Russian culture, religion, literacy, cultural achievements.

Лаврова Ирина Анатольевна

*кандидат исторических наук, доцент, Ордена трудового
красного знамени ФГБОУ ВО «Московский технический
университет связи и информатики»»
iralavrova@mail.ru*

Аннотация: В статье, на фоне эволюции централизованного Московского государства, рассматривается процесс развития общерусской культуры в XVI столетии. Раскрываются потребности и задачи, стоящие перед страной в области культурного развития. С учетом исторических условий, внутри- и внешнеполитических факторов влияния, раскрываются ключевые направления развития культуры, суть и особенности культурной трансформации. Тем самым актуализируется исторический опыт государственного подхода к развитию культуры как важнейшей составляющей жизни единого государства.

Ключевые слова: XIV век, централизованное Московское государство, самодержавие, идеология, русская культура, религия, грамотность, культурные достижения.

Окончательное объединение русских земель вокруг Москвы и формирование в XVI в. централизованного феодального Московского государства, сопровождавшиеся ожесточенной классово-борьбой, способствовали развитию общерусской культуры.

Условия, в которых развивалась русская культура XVI в., были малоблагоприятны. Блокада Московского государства со стороны враждебных ему Ливонского ордена, Польско-Литовского государства и Швеции препятствовала культурному общению с Западной Европой и была одной из причин сравнительной его отсталости. В народных массах грамотность была плохо распространена: даже священники и дьяконы, по отзыву членов Стоглавого собора, «грамоте мало умеют» [1, с. 60–62]. На Стоглавом соборе был поднят вопрос об устройстве школ при церквях для обучения детей грамоте, но это предложение не могло быть осуществлено, так как не было людей, подготовленных к обязанности учителей. Образование было достоянием представителей высшего класса – духовенства и светских феодалов, но и среди последних часто попадались люди неграмотные [1, с. 60–62]. Однако условия политического характера вызвали к жизни большие культурные силы. В узком кругу образованных людей выросла исключительная по своей яркости литература.

Такой важнейший фактор как оформление централизованного феодального государства вызвал появление

ряда монументальных трудов, имевших целью идеологически обосновать и исторически объяснить образование самодержавного Московского царства.

Видное место в разработке политической теории московского самодержавия принадлежало литературному кружку митрополита Макария (1542–1563 гг.). Еще будучи в Новгороде, Макарий задумал поразительный по замыслу труд, который должен был объединить все удельные литературы. Он предполагал собрать в одну серию книг «все чтимые» [2, с. 174], то есть все читаемые книги, «яже в русской земле обитаются» [2, с. 176]. Он привлек для этого, не щадя «серебра и всяких почестей», лучших писателей своего времени. Уже в Москве закончены были «Четьи-Минеи» (помесячные чтения) [3, с. 139] – грандиозное собрание церковно-литературного материала. В него вошли и были расположены по месяцам и числам краткие и пространные сказания о праздниках, жития святых, церковные поучения, относящиеся к тем или иным дням, произведения, принадлежащие поминаемым святым, а в конце каждого месяца – церковно-поучительные сочинения других церковных писателей. «Четьи-Минеи» были связаны с канонизацией русских святых, но их значение было гораздо шире [4, с. 35–43]. Это была попытка подвести итог всему, что было создано в русской церковной литературе предшествующего времени. Материал был объединен не только механически. Старинные жития были отредактированы политически и переработаны стилистически. Создание единого стиля

являлось очень существенным моментом в развитии общерусской литературы. Наряду с канонизацией русских святых на соборах 1547–1549 гг. и с постановлением Стоглавого собора об унификации культа «Четьи-Минеи» утверждали церковно-религиозное единство Русского государства. [4, с. 35–43].

Другой важнейшей задачей литературы XVI в. было историческое объяснение и оправдание политического объединения русских земель в единое государство и установление в нем самодержавной власти. Во второй половине XV в. и в XVI в. была произведена работа по составлению общерусского летописного свода – летописи Софийские I и II, Воскресенская и Никоновская. Обширный разнородный летописный материал был дополнен отдельными сказаниями, объединен в единое целое и связан общей идеей национального, политического и религиозного единства Русской земли. В середине XVI в. была предпринята попытка приступить к составлению «Царственной книги» – грандиозной иллюстрированной всемирной истории в 11-ти томах, в которой история Русского государства находила себе достойное место.

Другим замечательным историческим трудом данной эпохи, по своему замыслу и исполнению, является «Степенная книга» – систематическое изложение истории образования Московского царства [4, с. 35–43]. «Степенная книга» была составлена по распоряжению митрополита Макария его учеником, протопопом Благовещенского собора Андреем (в монашестве Афанасий), впоследствии ставшим митрополитом [4, с. 35–43]. В отличие от летописных сводов, излагавших события в хронологической последовательности, «Степенная книга» являлась цельным произведением, в котором все части связывались между собой не только общей идеей, но литературной конструкцией. «Степенная книга» имела целью показать мировое значение Московского царства как исторического приемника Римско-Византийской империи и державы Владимира Святого, а также извечность самодержавной власти московских князей. Все предки Ивана IV представлены как ветви, исходящие от единого ствола, каковым является родоначальник московского великокняжеского рода Владимир Святой, или как «лествица», восходящая от того же Владимира к Ивану IV, в которую каждая ступень или «степень», собственно, отсюда и название «Степенная книга», составляет княжение каждого великого князя [4, с. 35–43]. Путем этой литературной метафоры автор показывал, что самодержавие Ивана IV является продолжением той «лестницы», которая начиналась с самодержавия Владимира, связана через Рюрика с кесарем Августом, а через Владимира Мономаха – с Константином Мономахом. Основная часть «Степенной книги» заключалась в доказательстве божественного происхождения и чудесного характера преемственности царского самодержавия Ивана IV. Литературная форма должна была соответствовать возвы-

шенности выражаемой ею мысли, этим и объясняется высокопарная стилистика, характерная вообще для макареевской литературы [4, с. 35–43].

Такое же историческое обоснование давал и сам Иван Грозный в трех посланиях князю Курбскому. В этих посланиях он полемизировал с князем-изменником, обвинившим его в бесцельной жестокости, и излагал свое собственное понимание значения царской власти. В другом своем послании, в Кирилло-Белозерский монастырь, Грозный обличал монахов в нарушении правил монашеского жития и призывал их следовать примеру Кирилла Белозерского, основателя монастыря. Едкость его упреков объясняется тем, что он подозревал монахов в сочувствии к боярам. Сохранились и другие писания Ивана IV, замечательные по силе и своеобразию (к примеру, завещание Ивана Грозного, в котором он с большой отчетливостью проводит мысль о единстве государства и, вместе с тем, утверждает, что он сам изгнан боярами и лишен ими царской власти). Язык Грозного не отличался литературной отделкой, но живая мысль, острая наблюдательность, страстность и злая ирония делают все написанное Грозным, исполненным яркой жизненности и силы.

Другую историческую концепцию, отражающую идеологию крупной феодальной знати, выработал князь Андрей Михайлович Курбский, заслуживший печальную известность своей изменой родине. Курбский являлся учеником Максима Грека и впоследствии дополнил свое образование в Литве [5, с. 236–263]. Уже «в сединах» он обучался латинскому языку и «наукам внешним (светским) и философии», знал римских и греческих классиков и творения «отцов церкви». Свою историческую концепцию Курбский развивает в «Истории о великом князе московском» и в своих посланиях к Ивану IV [5, с. 236–263]. Роду московских и великих князей, стремящимся самодержавно править царством, Курбский противопоставлял других князей, которые, как и они «влекомы от рода великого Владимира». Курбский с осуждением говорил об «издавном кровопийственном роде» московских князей, которые «обыкли тела своего ясти и крови братии своей пити», то есть истреблять свою, и склонны к «лютости и граблению» [5, с. 236–263].

К числу публикационных произведений середины XVI в. относится «Благохотящим царем правительница и землемерие», написанная в 40-х гг. XVI столетия священником Ермолаем (в монашестве Эразм). «Правительница» посвящена политико-экономическим вопросам. В Московском царстве, по мнению автора, источником богатства правящего класса является земля с сидящими на ней основными производителями-земледельцами или, как их называет автор, «ротаями». В связи с этим Ермолай-Эразм ставит вопрос о наделении землей и о переводе крестьян с денежных повинностей на натуральные

[6, с. 26–27].

К научной литературе XVI в. можно отнести и «Азбуковник». Это своего рода энциклопедический словарь, дававший читателю определенную систему знаний и взглядов в духе церковной схоластики.

Необходимо особенно выделить и «Домострой», который являлся морально-хозяйственным руководством для жизни. Элементы «Домостроя» восходят к XV в, но окончательно он сложился в XVI веке. «Домострой» сохранился в редакции, восходящей к списку, принадлежавшему знаменитому священнику Сильвестру [7, с. 88–93]. В «Домострое» перечисляют религиозно-нравственные обязанности каждого человека, понимаемые исключительно в смысле исполнения определенных обрядов, даются полные наставления относительно семейной жизни и воспитании детей. Большое место в «Домострое» уделяется советам по хозяйству. «Домострой» стремится провести в частную жизнь те идеалы, которые публицистика проводила в церковно-политической среде. Он является ценным источником для характеристики семейного и хозяйственного быта боярской и купеческой среде XVI века. В «Домострое» отражается еще характер домашнего хозяйства и положения главы семьи, как полновластного владыки над женой, детьми и холопами [7, с. 123–128].

Важнейшим достижением XVI в. являлось книгопечатание, введенное в Москве при Иване Грозном. Первые опыты в этом направлении были сделаны в 50-х гг. XVI века. До нашего времени сохранилось несколько богослужебных книг, напечатанных между 1551 и 1556 годами. Упоминается в те годы русский «мастер печатных книг» Марфуша Нефедьев [8, с. 168]. Более подробные сведения о московской типографии 50-х гг. не имеется, но ее следует ставить в связь, с одной стороны, с тем большим литературным оживлением, которое связано с именем митрополита Макария, а с другой – с деятельностью Избранной рады. В 1563 г. Иван IV возвратился к мысли о создании типографии. Во главе этого дела был поставлен «друкарь москвитии» [8, с. 176] Иван Федоров, дьякон одной из московских церквей, а помощником ему белорус Петр Мстицлавец [9]. В 1564 г. из этой типографии вышла первая книга «Апостол», в техническом отношении исполненная очень хорошо, с гравированными заставками и фигурным изображением Апостола Луки. В 1565 г. вышли два издания «Часовника». Есть версия, что работа типографии прервалась вследствие поджога [9]. Виновниками прекращения деятельности типографии были, по всей видимости, переписчики книг, боящиеся потери заработка. Переписчики книг нашли поддержку у духовенства, которое увидело в печатании книг ересь, и среди реакционно настроенных кругов знати. Федоров и Мстицлавец уехали из Москвы. Однако отъезд печатников не остановил развития печатного

дела и впоследствии Иван Грозный устроил новую типографию в Александровской слободе.

Политический рост Русского государства в XVI в. отразился и на развитии национального русского искусства. На основе народного деревянного зодчества выработывался новый национальный стиль, нашедший себе наивысшее выражение в шатровых храмах, который можно считать свидетельством о разрыве с византийскими традициями.

Одним из ранних образцов этого стиля является великолепная церковь Вознесения в царском селе Коломенском, «зело чудно выотою и красотою, и светлостью, таковы не бывала прежде сего на Руси» [10], построенная в 1552 году. Самым выдающимся памятником шатровой архитектуры остается Покровский собор или так называемая церковь Василия Блаженного, возведенная в правление Ивана IV в честь взятия Казани. Покровский собор образует группу восьми храмов вокруг центрального столпа в виде восьмиугольной звезды. Каждая из этих церквей поражает богатством и разнообразием орнаментовки. Собор представляет непревзойденный по изяществу и оригинальности памятник русской архитектуры, замечательный не только в художественном, но и строительном отношении. Строителями его были русские зодчие Барма и псковитянин Постник Яковлев [10].

Идеология централизованного феодального государства с особенной наглядностью выражалась также в живописи, которая, как и литература, была использована для пропаганды идей самодержавия. После пожара 1547 г. дворец был отремонтирован и внутренние стены его были покрыты новой росписью. На стенах Золотой палаты, в ряде символических картин, был изображен апофеоз самодержавной власти в лице юноши-царя как носителя высшей милости, справедливости и победителя неверных. В росписи Золотой палаты была увековечена литературная легенда о венце Мономаховом. На иконе, известной под названием «Воинствующая церковь», прославляется взятие Казани и изображено русское воинство, идущее из пылающей Казани к «святому граду» Москве [10]. Цель прославления самодержавия преследовали и прекрасные миниатюры в рукописи «Царственной книги» [11, с. 117].

Влияние западноевропейской, в частности итальянской, живописи XVI в. отчасти сказалось в обилии символических образов в дворцовой росписи, например: день и ночь, четыре ветра, любовь и стрелок, олицетворение добродетели и пороков и многие другие. В фресках Благовещенского собора, написанных псковскими художниками после пожара 1547 г., и в некоторых других произведениях изобразительного искусства того времени заметно стремление к реализму, знакомство с анатомией человеческого тела. Новшества в живописи вызывали

даже протесты среди консервативно настроенных кругов общества [12, с. 106–137].

В XVI в. наблюдается также расцвет прикладного искусства. С того времени сохранились великолепные образцы художественного шитья и ювелирного дела [13]. Образцом художественной резьбы по дереву является царское место в Успенском соборе, на котором вырезаны сцены из легенды о венце Мономаховом. Высокого уровня достигает и литейное дело. В этой отрасли прикладного искусства выделялся мастер Андрей Чохов, который стал известен своими колоколами [14]. Несколько позже, при сыне Ивана IV Федоре Иоанновиче, была вы-

лита знаменитая царь-пушка, на которой изображен сам царь Федор, верхом не коне [14].

Трагические события Смутного времени начала XVII в. заметно затормозили поступательное движение в формировании единого русского культурного пространства. XVII столетие стало переломным периодом в российской истории не только в политическом, но и в культурном отношении. Проявившаяся в XVI в. тенденция к обмирщению культуры – ее освобождение от влияния церкви, разрушение религиозного средневекового мировоззрения, апелляция к разуму – в XVII столетии стала главным содержанием культурно-исторического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Труды Новгородской Губернской Ученой Архивной комиссии. – Новгород, 1912. – Вып. 1. – 154 с.
2. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева). Ч. 1. №№ 577–819 / Сост. Т.Н. Протасьева. – М.: [б. и.], 1970. – 19 л.
3. Дробленкова Н.Ф. Великие Четьи Миней. Словарь книжников и книжной древности Руси. – Л.: Наука, 1987. – 368 с.
4. Усачев А.С. Из истории древнерусской книжности времен митрополита Макария: Великие Миней Четьи и Степенная книга // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2007. – № 4 (30). – С.35–43.
5. Филюшкин А.И. Логика спора Ивана Грозного с Андреем Курбским // Герменевтика древнерусской литературы. – 1998. – № 9. – С. 236–263.
6. Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. – СПб.: «Искусство–СПБ», 2007. – 416 с.
7. Колесов В.В., Рождественская В.В. Домострой. – СПб.: Наука, 1994. – 399 с.
8. Немировский Е.Л. Иван Федоров (около 1510–1583). – М.: Наука, 1985. – 320 с.
9. Румянцев В.Е. Иван Федоров – первый русский книгопечатник. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01006599096#> (дата обращения: 27.01.2024).
10. Рапацкая Л.А. История художественной культуры. URL: https://mkgush.ru/sites/default/files/istoriya_hudozhestvennoy_kultury_rossii_0.pdf (дата обращения: 27.01.2024).
11. Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. – М.: МГУ, 1944. – 214 с.
12. Соколова Г.С. К вопросу о первоначальной росписи галерей Благовещенского собора Московского Кремля // Искусство Москвы периода формирования Русского централизованного государства. – М.: Искусство, 1980. – С.106–137.
13. Уткин. П.И. Ювелирное дело на Руси в XVI–XVII веках. URL: <http://iznedr.ru/books/item/f00/s00/z0000041/st002.shtml> (дата обращения: 28.01.2024).
14. Немировский Е.Л. Андрей Чохов (около 1545–1629). – М.: Наука, 1982. – 112 с.

© Лаврова Ирина Анатольевна (iralavrova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»